

П. Е. Щеголев

Из семейных воспоминаний о кишиневской жизни Пушкина *

Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы / Вступит. статья и коммент. Ю. Н. Емельянова.-- М.: Современник, 1987.-- (Б-ка "Любителям российской словесности. Из литературного наследия").

OCR Бычков М. Н.

* Впервые напечатано в журнале "Минувшие годы", 1908, No 7.-- П. III.

"Все, что я лично знаю о жизни великого русского поэта, относится к 1820--1823 годам и пересказано мне моей тетушкой, покойной Екатериной Захарьевной Стамо, родной сестрой моего отца Константина Захарьевича Ралли, который умер, когда мне едва минуло 7 лет и которого я очень мало знал.

-- Твой отец,-- передавала мне тетушка,-- был близок к Александру Сергеевичу, и в свою бытность в Кишиневе Пушкин проводил целые дни в доме твоего отца¹. Там я и познакомилась с ним. Мы с мужем² жили в доме генеральши Грабовской, который наняли тотчас после свадьбы. Дом Грабовской был на спуске к Фонтану, а сзади его, на взгорье стоял дом генерала Инзова³, где жил Александр Сергеевич, так что сад инзовского дома приходился смежным с задним двором нашего дома. Отец твой в молодости был чист, как невинная девушка, он много читал, и любимыми его писателями были Вольтер, Жан-Жак Руссо, Кондильяк и Байрон, которого он знал наизусть и любил декламировать; отец твой говорил прекрасно по-французски и по-гречески и всегда очень сожалел, что не знает по-немецки⁴. В доме твоего отца никогда не играли в карты, отец этого не выносил; зато по вечерам гости занимались политикой или музыкой, так твой отец играл на мелодиуме, и я с Александром Сергеевичем зачастую готовы были слушать его по целым часам...

-- Пушкин был большой повеса,-- прибавляла после небольшой паузы тетушка,-- а я к тому же еще на беду считалась в молодости красавицей. Большого труда мне стоило сдерживать молодого человека в его годы. Я всегда была самых строгих правил,-- такое нам всем было дано воспитание,-- ну, а Александр Сергеевич имел взгляды на женщину довольно-таки легкие, и потом все же надо принять во внимание, что среда наша для него, русского, была совершенно чужда. Благодаря, с одной стороны, моему личному такту, а с другой, благодаря влиянию твоего отца, я сумела в конце концов поставить себя с Александром Сергеевичем так, что он не повторял более своей *déclaration* {декларации, объяснения (*франц.*)}.-- *Ред.*}, которую сделал раз мне, замужней женщине. Мы считались приятелями, и наша дружба длилась даже после отъезда его в Одессу⁵.

Такова в общих чертах характеристика отношений моей семьи к А. С. Пушкину по словам моей тетушки, которая имела в обыкновение в разговоре пересыпать свою речь целыми французскими фразами. Конечно, я передаю здесь лишь скелет всего слышанного мною и за давностью лет во многом перебытого.

-- Однажды,-- рассказывала мне тетушка Катерина Захарьевна,-- твой отец собрался посетить одно из отцовских⁶ имений -- Долну. Между этим имением и другим, Юрченами, в лесу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу. Вот, помню, однажды, Александр Сергеевич и поехал вместе с отцом твоим в Долну, а оттуда они потом поехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цыган. Табор этот имел старика булибашу (старосту), известного своим авторитетом среди цыган; у старика булибаша была красавица дочь. Я прекрасно помню эту девушку, ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и выющимися длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски: носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Была она действительно настоящая красавица, и богатое ожерелье из разных старых серебряных и золотых монет, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даром не одного из ее поклонников. Александр Сергеевич до того был поражен красотой цыганки, что упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрченах. Они пробыли там более двух недель, так что отец мой даже обеспокоился и послал узнать, не приключилось ли чего с молодыми людьми. И вот, к нашему общему удивлению, пришло из Долны известие, что отец твой и Александр Сергеевич ушли в цыганский табор, который откочевал к Варзарештам. По получении такого известия отец мой послал тотчас другого нарочного с письмом к брату Константину, и мы ждали с нетерпением ответа, который, помню, долгонько-таки запоздал. Наконец, пришло письмо от брата к отцу, -- оно было писано по-гречески,-- и отец, прочитавши его, объявил нам, что ничего особенного не случилось, но Александр Сергеевич просто-напросто сходит с ума по цыганке Земфире. Недели через две наши молодые люди, наконец, вернулись. Брат рассказал нам,